

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЗАКОНЫ БЕЗУМИЯ

МАРИЯ ВЫСОЦКАЯ

Законы безумия

Мария Высоцкая

Законы безумия

«Автор»

2018

Высоцкая М.

Законы безумия / М. Высоцкая — «Автор», 2018 — (Законы безумия)

Детдомовец и мажорка. Они из разных миров, у них нет ничего общего, ничего, кроме обоюдной неприязни, граничащей с обожанием. Богдан - вырос в детском доме, его усыновили, когда ему стукнуло семнадцать. Теперь он вынужден учиться в элитной школе. Он дерзкий, бесстрашный, справедливый, и никогда не делит людей на богатых и бедных. Герда - всегда считала себя лучше других. Хотела доказать отцу, что он может ей гордиться. Она королева элитной гимназии. Местная звезда, а ещё, просто несчастная девочка. Смелая снаружи, и робкая внутри. Их судьбы сплетены настолько тесно, что другим там никогда не хватит воздуха. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мария Высоцкая

Законы безумия

В оформлении обложки использована фотография с <https://unsplash.com/> по лицензии CC0.

Пролог

Отрывки непоследовательны во времени, а вырваны из разных глав. Ибо так веселее!

« – Богдан? Это что такое? Она пьяная?

– Мама Марина, выключай училку, мы же дома. Мне ее бросить надо было, что ли?

– Ладно, в комнату давайте.

Чтобы Гера ничего не сбила своим пьянящим тельцем, поднимаю ее на руки и тащу в комнату.

– Я себе тогда на полу постелю, – уже на лестнице.

– Богдан, – слегка протянуто, – ты спишь в гостиной сегодня, – мама качает головой, растягивая губы в красивой, но ехидной улыбке.

– Че эт?

– В гостиной, Богдан!

– Ладно, ладно.

Уже в комнате кидаю Гольштейн на кровать. Она что-то мямлит, корчит рожицы. Я лишь со стороны наблюдаю, опираясь плечом о дверной косяк. А Гера тем временем упорно пытается встать с кровати. Пошатываясь, выпрямляется, начиная расстегивать рубашку.

А вот это уже становится интересным. Плюхаюсь на кровать в полулежачее положение, ноги же остаются на полу. Закинув руки за голову, с насмешкой смотрю на это шоу.

Гера стягивает юбку.

– Гера, ты зачем трусы-то напялила? Что в них, что без, – комментирую, смотря на прозрачный белый материал и тонкую полоску сзади.

– Я Герда, – впивается в меня колюченьким, но таким забавным взглядом, а потом падает рядом, – Шелест, давай поцелуемся, – закидывает на меня свои ноги.

– Не, – задумчиво, – я с алкоголичками не целуюсь, – ржу над ее вытянувшейся мордашкой.

– Вот за это я тебя и люблю, – улыбается.

– За то, что с алкоголичками не целуюсь? – сжимаю ее протянутую ладонь.

– За то, что в трусы ко мне не лезешь, – вытягивает ноги, и теперь мы оба находимся в полулежачем состоянии, тесно прижимаясь друг к другу боками.

– Гера, ты только скажи, я двумя руками «за», – делаю серьезное лицо. Гера же хохочет, толкая меня локтем в бок.

– Я Герда, Шелест!

– Ты Герда Шелест? Звучит.

– Что? – зависает, а потом хитро улыбается. – Не дождешься».

«– Ты че здесь делаешь? – это первое, что я слышу, проходя по душному коридору новой обители знаний. Тоска зеленая. А когда поворачиваюсь, радости моей нет предела. Павлик Сомов – собственной персоной.

Мажорик, думающий, что выиграть можно, только когда у тебя есть бабки. Соперничек. Этот слизняк с самого первого дня тянет одеяло на себя, в сотый раз бросая мне вызов и публично проигрывая. Боец из него – дно.

К моей дикой скорби, это создание тренируется со мной в одном клубе. Не так давно, последние пару месяцев. Но и за это время он успел всем стать поперек глотки.

– Да вот зашел и здесь тебя отделать, – смеюсь в лицо этому придурку, – расслабься, – хлопаю по плечу, – учусь я теперь здесь.

– Ты? Ты ж ср*ный детдомовец, кто тебя сюда пустил?

– Так тебе морду начистил, вот они и решили, как они здесь без меня будут. Считай, за заслуги перед родиной, – наблюдаю, как багровеет лицо этого недоноска, – я же тебе говорю, расслабься, не напрягай оставшуюся извилину, а то и эта порвется».

«Его голос приводит меня в чувство, и я отхожу в сторону.

– Да, – киваю.

– Ты чего красная?

– Что? – трогаю щеки и, кажется, краснею еще больше, – жарко, – пожимаю плечами, – спасибо, – аккуратно забираю протягиваемую им тетрадь, стараясь не коснуться его пальцев.

– Обращайся, – улыбаюсь, но моя улыбка быстро гаснет, – только смотри, чтоб рыцарь твой не расплакался, как узнает, что я тебе задачки решаю.

– Пошел ты, Шелест! Я тебя не просила, – с остервенением заталкиваю все в сумку, собираясь уйти, а лучше – убежать. Но кто-то в этом мире, кажется, против. Ручка сумки рвется, и та с шумом падает на пол.

Богдан так и сидит на подоконнике. На лице красуется улыбочка, его сильно забавляет вся эта ситуация, а я ползаю по полу, пытаюсь подобрать все, что разлетелось из открытой сумки.

– Наверное, пойду я, – слезает с подоконника, а я замираю, поднимая на него глаза, – а то ты так себе тут шею свернешь, пока от меня убегаешь.

Он уходит. Вальяжная походка, руки в карманах брюк, как всегда, выправленная рубашка, расстегнутый пиджак, не затянутый до конца галстук... Он один так носит школьную форму, чем сильно выделяется, но ему, кажется, до этого совершенно нет дела».

«– Что тебе надо? – шиплю где-то на десятом круге, понимая, что он так и будет волочиться за мной надоедливой тенью.

– Что? – удивленно так.

– Отстань от меня, – вновь ускоряюсь, но прекрасно понимаю, что еще круг в таком темпе – и я труп. А ему хоть бы что, бежит, лыбится.

– Я к тебе не приставал, – резко останавливается, хватая меня за руку, – а вот сейчас, – притягивает ближе, заставляя почти что влететь в его грудь носом, – пристаю.

– Не трогай меня, – вырываю руку, отскакивая на метр, – офигел? – ору, привлекая к нам внимание. Боковым зрением сразу улавливаю Павлика, который даже не чешется подойти ближе.

– Ага, – спокойненько пожимает плечами, – побежали, – толкает меня вперед, – Альбина смотрит.

И я бегу. Как полная идиотка, бегу, спиной чувствуя его прожигающий взгляд. Пробегая мимо Сомова, хмурюсь, кидая ему вызов одним взглядом, он делает шаг в мою сторону, а после замирает. Оборачиваясь, замечаю лишь, как опускается рука Шелеста. Что за фигня здесь происходит?»

«– Богдан, драка в первый же день. Ты недельку хотя бы не мог подождать?

– Я случайно.

– Случайно?

– Ты же в курсе, кто получил по тыкве?

– Еще бы, его отец в директорской час орал.

– Прости, – убираю руки в карманы, представляя, сколько маме Марине пришлось вытерпеть за этот час.

– Ладно, у тебя сколько уроков осталось?

- Один.
- Тебя подождать?
- Не, сам доеду».

«– Что, довольна, Гольштейн? – шипит Соколова, нависая над Сомовым.

– Более чем, – откидываю волосы назад, смотря на нее с вызовом, но она лишь отворачивается.

Школу сотрясает звонок, и я понимаю, что в класс вот-вот придет учитель. Хватаю учебник и уже на ходу засовываю тот в сумку.

– Богдан, – ору, пытаюсь его догнать.

Шелест же идет, словно не слышит моих воплей.

– Богдан, – хватаю за руку, пытаюсь остановить эту машину.

– Что?

– Спасибо. Я хотела сказать тебе спасибо, – облизываю губы, краснея от его злобного взгляда.

– Знаешь, Герда, ты права, нам не стоит общаться».

Глава 1

Богдан.

...длинный серый коридор с обшарпанными стенами и отстающей на потолке побелкой я не забуду никогда. Он казался нескончаемым. Высокая рыжеволосая тетка в темной кофте и очках с острыми и, кажется, такими колкими оправками, ее лицо не выражало ни малейшей эмоции. Впалые скулы, безэмоциональный взгляд, незаинтересованно блуждающий по стенам коридора, она с каждой секундой ускоряла шаг. А я, будучи маленьким шестилетним ребенком, просто не успевал за ней, а оттого часто спотыкался. Но женщина лишь невозмутимо сильнее тянула меня за руку.

Мимо пробегали дети и, завидев новенького, разглядывали меня во все глаза. Старшие лишь смеялись над моим запуганным взглядом, я же ускорял шаг, все крепче прижимая к себе серого зайца.

Наконец Гестапо остановилась, широко распахнув дверь большой комнаты, где стояло много кроватей. Все они были одинаково заправлены, некогда белое белье посерело от частых стирок, а шторы только нагоняли тоску. Все в этой комнате создавало угнетающую атмосферу. По телу пробежал холодок.

– Вот твоя кровать, – громко скомандовала она и выпустила мою руку из своей, – днем сюда заходить нельзя, только в специально отведенное время. Идем.

На выходе из комнаты уже собралась толпа детей, слухи здесь распространялись быстро. Их глаза пылали интересом вперемишку со злобой. Стоило только женщине уйти, как толпа стала сгущаться надо мной, словно стая серых волков.

– Эй, новенький! – воскликнул паренек, по виду он был на пару лет старше. – Чего замер? Что это у тебя? – отобрал игрушку. – Ох, посмотрите-ка, что это у него? Заяц, – расхохотался, – ты что, девчонка?

Толпа начала ехидно хихикать, их глаза горели какой-то необъяснимой злобой.

– Отдай! – я шагнул в его сторону, пытаюсь вернуть свое.

– А ты отбери, – он еще громче смеялся надо мной и моими нелепыми попытками отобрать игрушку.

– Верни, это мое, мое! – я кричал что было сил, ведь это единственное, что осталось от родителей, зайца мне подарили на прошлый день рождения. Я никогда в него не играл, он всегда мирно лежал на полке, но стал той вещью, которую я успел прихватить с собой, когда в дом моей старой бабули нагрянули органы опеки.

– Смотрите, он сейчас расплчется, как девчонка! – все громче глумилась толпа.

– Я не девчонка! – кричу что есть сил, сжимаю руки в кулаки, но в глазах предательски застывают слезы. Все произошло слишком быстро и неожиданно. Я ринулся вперед и ударил задиру по лицу, тот заорал и выронил игрушку, но поднять ее я уже не смог. Еще несколько мальчишек проворно схватили меня за плечи и оттащили к стенке.

Задира быстро пришел в себя.

Удары приходились по всему телу, кроме лица. Когда они закончили, все, что я мог, это отшатнуться от стены и упасть на пол, свернувшись в клубок. Сил не было. Тело болело, из глаз текли соленые слезы, и так хотелось домой. К маме, отцу... Но их больше нет. Их никогда больше не будет. Бабушка говорит, что они уехали в далекую командировку, но я знаю, что они умерли. Я слышал разговоры соседей по лестничной клетке, слышал, как они жалели меня, потому что в пять лет я остался практически сиротой. Слышал, и от этого становилось еще больнее.

Тогда я еще не знал, что мне придется испытать и пережить в этом месте, не знал, как жестоки бывают обделенные вниманием дети, не знал и то, насколько скоро мне предстоит узнавать это изо дня в день, медленно превращаясь в куклу для битья.

Прошло больше месяца, за окном был совершенно незнакомый город. Все было серым. Тело ноет от очередной потасовки, я сижу в углу первого этажа, под лестницей. Это место я облюбовал сразу, после той первой драки. Единственное желание в тот момент – скрыться от чужих глаз. Поджав ноги под себя, вспоминаю, как мы с отцом ходили на рыбалку, катались на роликах, как кормили с мамой птиц в парке недалеко от дома, зимой ездили кататься на ватрушках. Когда я вырос, то часто задавался вопросом, как я мог все это помнить, помнить те моменты, когда мне было три, четыре года, ведь большинство помнит лишь мимолетные картинки, а я четко видел целые фильмы прошлой жизни. Помнил лица родителей, мамин смех, папин серьезный, но в то же время насмешливый взгляд, когда я впервые пытался надеть червяка на крючок, помнил все до малейшей детали. Но за всеми этими мыслями всегда приходила одна и та же концовка, мое сознание каждый раз изошренно воспроизводило утро в день гибели родителей. В голове вновь раздавался горький бабушкин плач, разговоры соседей, черные закрытые гробы. Мои родители попали в аварию. На трассе в беспроглядный ливень в их маленькую Тойоту влетела огромная груженная фура, это я, конечно, узнал позже, как и то, что от них остались лишь разорванные на куски части. Хоронить, по сути, было нечего, изуродованные тела положили в закрытые гробы, пряча глубоко под землю. По спине побежали мурашки, плечи невольно сжались.

– Вот ты где! – зло вскрикнула Инна Геннадьевна, воспитатель. – Нашкодил и смылся. Ты зачем Егорова побил, а?

– Он первый начал!

– Первый, – она орет, а я даже не реагирую, – у него синяк на все лицо. Паскудник! Привезли проблему на мою голову. Быстро пошли к директору. Пусть она с тобой разбирается! – она бесцеремонно вытаскивает меня из-под лестницы за ухо.

Полная и отвратительно манерная женщина гордо вышагивает по коридору, иногда обочивается, чтобы побуравить меня своим яростным взглядом, словно желая показать, какой я никчемный. Дойдя до кабинета директрисы, она ухмыляется и толкает вперед.

– Иди, иди!

Заглянув в кабинет, я вижу огромный письменный стол, за этим самым столом сидит худая женщина с черными как уголь волосами. Из кабинета тянет сигаретным дымом. Завидев меня, она нехотя тушит окурок, поднимаясь с кресла и распахивая окно. Деревянные рамы скрипят от такого напора.

– Стучать надо! – недовольно. – Шелест, – ее цепкие, серые, как лед, глаза впиваются в мое лицо, губы недовольно сжимаются, – зачем Егорова побил, гаденыш?

– Он первый начал, он у меня...

Фурия несется ко мне со скоростью света и хватает за ворот зеленой рубашки в мелкую белую клеточку.

– Значит, так, я ябед терпеть не могу. Попался, отвечай! Мне тут проблемы с тобой не нужны, – отпускает воротник. – Еще раз повторится, будем говорить по-другому. Ясно тебе? – киваю. – Молодец, а теперь пошел вон отсюда, – мегера толкает в спину по направлению к двери.

Вылетев из кабинета, я спотыкаюсь и падаю возле порога на колени. Утерев слезы рукавом, встаю – отряхиваю штаны.

– Пойдем, – слышится откуда-то сбоку. Обернувшись на голос, невысокую темноволосую девчонку, она стоит неподалеку, теребя пальчиками толстенную косу, – не бойся. Я Таня, – Таня растягивает губы в миленькой улыбке, – вот, – отдает мне зайца, отобранного еще в первый день моего приезда сюда.

– Спасибо.

– Это Сережке спасибо, он Егорова и всю его шайку отлупил, но они будут молчать, – робко смотрит на дверь директрисы. – Как тебя зовут?

– Богдан. Богдан Шелест.

– А я Таня, Таня Мелкова, – из-за лестницы к нам подходит худощавый и длинный мальчик, – а это Сережка, мой брат.

– Ну привет, – протягивает мне руку.

– Спасибо, – смотрю на своего зайца.

– Больше не теряй. Орала?

– Да.

– Обвиняла, что ты Егорова побил?

– Ага, – вздыхаю.

– Этот Егоров – стукач еще тот. Запомни вот что: никогда не бей по лицу. По крайней мере здесь! Нет синяков, нет доказательств! Иначе...

– Понял.

– Тебя за что сюда?

– Родители на машине... – не смог договорить, из глаз выступили слезы.

– Не реви! – одернул Сережка. – Нормально все будет. Тебе сколько лет?

– Шесть.

– И мне. Не бойсь, теперь мы тебя никому в обиду не дадим, – подмигивает, – кстати, хорошо ты Егорова! Такой мелкий, а вон сколько силы. Танюха, что встала? Пошли.

Девочка бежит за нами вприпрыжку, а каблочки ее сандалий отбивают гулкую мелодию в стенах этого треклятого места.

Одиннадцать лет спустя...

– Шелест, ну сколько можно? – бурчит директриса, буравя меня взглядом. – Ты, Мелков и вся ваша шайка скоро доиграетесь!

– Лариса Викторовна! Ну как мы можем, о чем вы вообще?!

– Я знаю, что ты, Мелков, Крашевич, Смирнов и Воеводин вчера сбежали в город.

– Не понимаю, о чем вы, – засовываю руки в карманы и непонимающе смотрю на гримзу.

– Пошел вон, сопляк! – срывается женщина, на что я лишь ухмыляюсь.

Третий раз за этот месяц я выхожу из ее кабинета под эти крики. Шаркая ногами по бетонному полу, медленно вышагиваю по коридору, направляясь на улицу. У самых дверей наталкиваюсь на задирающуюся малышню. Оценив ситуацию, приближаюсь к дерущимся малявкам, которые визжат как сумасшедшие.

– А ну – тихо! – громкий крик распугивает детей, и они, словно мышки, разбегаются по углам. За толпой не следует только один. Маленький сероглазый мальчик.

– Спасибо, – раздается тихо.

– Как тебя зовут?

– Витя, – робко шепчет малыш.

– Я Богдан, – подаю ребенку руку, – обижали? – кивок. – В следующий раз скажи, что, если тронут, мне расскажешь.

Паренек снова кивает и, срываясь, убегает из зала. Я же направляюсь на улицу. Мелок уже ждет меня под старым дубом во дворе. Мы с ним не разлей вода, вот уже десять лет, с того самого разговора в коридоре. Мы быстро стартанули и собрали вокруг себя круг детдомовской элиты, которая силой выгрызла себе место под солнцем. Как только ушли одни старшаки, им на смену пришли другие, то есть мы.

И мы не беспределим. Нет, мы лишь поддерживаем порядок: не даем задирать слабых, ставим на место борзых. Здесь наше слово увесисто, а решение – неоспоримо. Эта, казалось бы,

на первый взгляд игра – далеко не детская безобидная забава, нет. Наш интернат на окраине города, недалеко от промзоны, мы видели многое, сбегая туда ночами, а потому знаем цену человеческой жизни, при нас людей не раз закатывали в бетон, чему мы были лишь сторонними наблюдателями. Именно поэтому мы не понаслышке знаем, как сурова может быть жизнь, в которой мы лишь инструмент порядка в одной небольшой, созданной человеком системе, и да, тот человек, который создал эту ср*ную систему, однозначно был го*нюк.

Хлопаю Мелка по плечу, облакачиваясь на дерево.

– Мы сегодня в город, ты с нами?

– Нет, у меня тренировка.

– Ты задрал всех со своими тренировками. Спортсмен х*ров.

– Иди в ж*пу, Мелок. У меня соревнования скоро.

– Зачем тебе это надо? – закуривает сигарету. – Не понимаю...

– Значит, надо, – отмахиваюсь, зная, что Мелок все равно не поймет моих стремлений.

Заниматься борьбой я начал в шесть лет, сразу же как в интернате открыли секцию по самбо. Какой-то меценат решил сделать детишкам подарок, и мне он оказалось кстати. Я упорно тренировался. У меня всегда был большой энтузиазм на этом поприще, в восемь я поехал на свои первые соревнования, где взял золото. Тренер в тот же день положил на меня глаз, и не слезает и по сей день. Сплошные тренировки, режим, соревнования...

– Ребята, – кричит Танюха, она подходит к нам быстрым шагом, – там, – заводит руку за спину, – там, в общем, у нас новая директриса, к себе вас зовет, – убирает руки в карманы легкой курточки, осень в этом году теплая.

Мы, как стадо на выгуле, стоим в коридоре. Ждем. Чего, собственно, загадка. Минут через пятнадцать к нам выходит невысокая, стройная брюнетка. На вид ей лет тридцать пять. Если она наш новый Царь и Бог, то я готов кончить прямо здесь.

Оборачиваюсь, зная, что такие мысли не у меня одного.

– Ребята, всем добрый день! Меня зовут Баженова Марина Юрьевна, я новая заведующая, – сцепляет пальцы в замок, держа руки перед собой. Улыбается.

И откуда столько веселья и доброты? Очередная показуха. Посмотрим, что она скажет через пару-тройку дней. Как и все предыдущие, натырит бабла, отпишет себе под шумок несколько квартир и свалит в закат. А, еще до*бется до всех с новыми порядками.

– Я рада со всеми вами познакомиться. Надеюсь, мы найдем общий язык.

– А нам оно надо? – ржет Мелок.

Марина хлопает глазами, теснее сплетая пальцы.

– Как тебя зовут, скажи, пожалуйста? – опять улыбочка.

– Ну Мел... Серега.

– Сережа, значит. Хорошо. Ребята, как я понимаю, у всех вас есть какие-то вопросы, а может быть, даже претензии. Предлагаю сделать вот что... сейчас Ольга Павловна раздаст всем листочки, и вы напишете все, что вам не нравится, и все, чего бы хотелось.

– И что будет с теми, чьи претензии вам не зайдут? – не могу промолчать. Знаю я, как эта х*йня работает. – Сначала записки пишем, а потом палкой по хребту получаем или на голом кафеле всю ночь спим. – С*ки. Цепляю ее взглядом, читая там явное недоумение. Она либо напроочь отбитая, что так невинность корчит, либо реально не в теме.

– Палкой... на кафеле... – хмурится, полностью гася улыбку. – Как тебя...?

– Богдан. Богдан Шелест, – продолжаю смотреть ей прямо в глаза. Если думает, что я дебил и поверил в этот цирк, – ошибается. А если думает, что срулю – хрен там.

– Ребята, напишите, пожалуйста, ваши пожелания, – явно нервничая, – а ты, Богдан, зайди в мой кабинет.

Ну вот. Все как и всегда. Спектакль длился недолго. Только теперь мне не десять лет, и отх*рачить меня поленом не прокатит. Убираю руки в карманы, беззаботно двигаясь в ее кабинет. Демонстративно прикрываю дверь, чувствуя предвкушение скандала. Эмоции. Эмоции – это самая кайфовая вещь в мире. Негативные эмоции могут стать самой лучшей подпиткой. Когда тебе плевать, когда ты так долго жрал лишь их, к тебе приходит ма-а-а-ленькое осознание – они прекрасны. Ты не просто жрешь их, ты манипулируешь, насыщаешься болью и злобой этих людишек. Они все, все эмоционируют, даже не понимая, какое наслаждение доставляют.

– Присаживайся, пожалуйста, – указывает на стул.

Я расслабленно падаю на него, закидывая ногу на ногу. Один. Два. Три. Поехали...

Марина садится напротив, складывая руки на стол. Она внимательно на меня смотрит, но по-другому. В ней нет того, чего я жду. Она не зла. Она подавлена. Растеряна. Печальна. Но она не в ярости. Что с ней не так?

– Вас правда здесь били? – слабым голосом.

– Че?

Она серьезно? Что за бред?

– Хватит строить из себя хорошую. Можешь сбросить маску.

– Почему вы никому не говорили? Это же уголовное дело.

Она говорит так тихо, что я еле разбираю ее шепот.

– Господи, – касается пальцами лба, – какой ужас. Я даже подумать не могла... – поднимается из-за стола, а потом копается в своей сумке.

Я все это время сижу в немом ступоре, потому что пока вся эта ситуэйшен за гранью моего понимания.

– Папа, – улыбается, прикладывая айфончик к уху, – привет, у меня будет к тебе дело, я заеду вечером. Хорошо. Целую.

Кладет телефон на стол, поворачиваясь ко мне, вздрагивает, будто забыла, что я вообще здесь.

– Богдан, – протягивает лист, – напиши все, что с вами здесь происходило, и распишись внизу.

– Зачем?

– Ты же хочешь, чтобы виновники были наказаны?

– Да тут у всех рыльце в пушку. Вас сожрут с такими замашками.

– Не сожрут, – голос становится жестче, и со мной будто уже говорит кто-то другой, – если работники сменяются, жрать будет некому. Пиши. Имена и фамилии тоже. А потом пусть ко мне зайдут все ребята. По очереди, конечно.

Голос вновь становится мягким. Марина вытаскивает из стакана ручку, обходит стол, замирая за моей спиной.

– Ручка, – кладет поверх листка.

– Как, вы там сказали, вас зовут? – оборачиваюсь, встречаясь взглядом с ее ярко-голубыми глазами. Они очень выразительные. Синяя радужка с мелкими крапинками, я ни у кого не видел таких.

– Марина Юрьевна, – ее лицо светлеет, а все вокруг словно озаряется ее улыбкой.

Я долго смотрю на белый лист, мысленно решая задачку. Все это странно. Такого здесь точно не происходило. Никто и никогда ничего не хотел менять. Все ломались под натиском коллектива, подыхая в этом болоте. А что, если это шанс на нормальное существование? Или же это путы, они вроде и излучают добро, но не факт, что не таят в себе тьму и злобу. Хотя... к го*ну нам не привыкать, а вот если это реальный шанс что-то поменять, то рискнуть стоит.

Сжимаю ручку, вписывая первую фамилию.

Глава 2

Богдан.

Сентябрь проносится быстро. Я не успеваю размотать нескольких соперников по рингу, как на дворе властвует декабрь, и все кутаются в теплые шарфы и шапки. Жизнь переходит в другой ритм, все вокруг меняется.

Впрочем, как и наша жизнь в детдоме. С приходом Марины все реально изменилось. Большинство воспиталок уволили, на бывшую директрису завели дело, а нас даже свозили на экскурсию в Питер. И вроде как жизнь даже пошла в гору.

Кстати, за оперативность мы все сказали спасибо Марининому отцу. Он лично ездил с нами в Питер к «Авроре». Седой старичок, вице-адмирал, бывший первый зам. главнокомандующего ВМФ. Встретил бы я его на улице, никогда б не сказал, что он был важной шишкой. Но от бывшего величия остались только награды и звезды на погонах висящего в шкафу кителя. Ну и связи, конечно.

Он рассказал столько забавных и интересных военно-морских историй и баек, что хватит на всю жизнь. Марина тоже тогда ездила с нами. Мы просидели с ней полночи на балконе, разговаривая обо всем на свете. Именно в ту ночь я узнал, что два года назад она похоронила сына. Что он был миротворцем и их завалило в горах. Что ей даже не дали посмотреть на тело. Честно, я ожидал от нее чего угодно, но только не такой истории. Она никак не ассоциируется с человеком, у которого произошла подобная трагедия. Она всегда улыбается, приходит на помощь. Или это я дурак и не понимаю того, что так она лишь старается заглушить свою боль. Избавиться от нее, делая добрые поступки.

«Помогая другим, Богдан, я помогаю себе. Я искренне верю, что, когда там мой мальчик нуждался в помощи, ему хотя бы пытались помочь».

Так она тогда сказала. Она сказала, а у меня кровь в лед превратилась.

Это было странно, но с той поездки я все больше начал к ней привыкать. Каждое утро на автомате заходил в ее кабинет. Не знаю зачем, но мне было важно удостовериться, что она здесь. Что пришла. Что не бросила нас. Не исчезла...

Если бы не беда, случившаяся в моей семье, что бы было в моей жизни? Что бы я из себя представлял? Возможно, был бы избалованным богатеньким подростком. Не знаю. Я часто задумываюсь над различными исходами своей жизни, но одно решил точно – я выберусь.

Накидываю капюшон, облокачиваясь на ларечную стенку возле остановки. Еще неделю назад потерял перчатки, а новых так и не приобрел. Пальцы краснеют на морозе. Засунув руки поглубже в карманы, верчу головой, но автобус еще не появился на горизонте. В горле жжет. Неужели заболел?

Еще вчера чувствовал себя «не райски», но не поехать сегодня на кладбище не мог. Восемь лет со дня смерти бабули.

Ссутулившись и сжавшись, подобно кокону, продолжаю свое ожидание. Все тело ноет. И непонятно, болезнь это или следствие крайнего боя.

Мимо пробегает толпа школьников, они кричат, и от их присутствия на улице становится еще более шумно. Я лишь ухмыляюсь и отворачиваюсь в сторону от пищащих детей.

Когда поворачиваю голову, внимание привлекает огромный рекламный баннер боя UFS. Залипаю на баннере, а сознание быстро рисует там мое фото. Наверное, это единственное, чего я хочу от жизни. Стать чемпионом. Убраться из этой страны. Мне необходима моя слава и деньги. И все это обязательно будет. Дайте мне время. Немного времени – и порву их всех.

Во всей веренице мыслей еле успеваю заметить уже почти отъезжающий автобус, но, вовремя сориентировавшись, резво запрыгиваю внутрь. Чувствую, как кто-то дышит мне в спину. Девчонка. Словно долбаный хвостик, забегает следом, врезаясь в меня со всей дури. Я

разворачиваюсь, а малая отскакивает в сторону. Двери закрываются, и автобус окончательно трогается с места.

Схватившись за поручень, пячусь назад, сегодня совершенно не хочется нарываться на скандал.

Сев на дальнее сидение, прижимаюсь щекой к стеклу. За окном проплывают городские ландшафты, но сил смотреть в окно нет. Глаза медленно закрываются. Все-таки это простуда. Прикрыв глаза, чувствую облегчение. Спустя пару минут сидение рядом проминается. Кто-то подсаживается, но мне это неинтересно.

И я уже начинаю засыпать, когда в нос ударяет приторно-сладкий запах духов. Нехотя оборачиваюсь, уже точно зная, кто сидит рядом. Малая, которая впрыгнула следом. Вся скукожилась, пальцы перебирают тесемки тонкого шарфика. Поднимаю глаза выше, только сейчас замечая, что ее трясет.

– У тебя все нормально? – мне мало интересно, но не хочется, чтобы эта странная девица что-нибудь выкинула.

– Что? – поднимает зашуганный взгляд.

– Нормально все, говорю?

– Да, – а сама отрицательно мотает головой. Вот он и Фрейд, мать вашу.

Автобус тормозит, и до меня доходит, что я чуть не проехал остановку. Вылезаю у Полянки, уже собираясь прыгнуть в метро, когда боковым зрением улавливаю подъехавший крузак. Тачка заезжает на тротуар, и из нее картинно вываливается парочка амбалов. Останавливаюсь, заинтересованно наблюдая за происходящим. Гориллы тормозят автобус, и что-то мне подсказывает, что я знаю, для чего. Девчонка.

Малая вылетает через дальний выход, но почти сразу шлепается на землю. Не знаю, какого меня тянет играть в рыцаря, но я на автомате подбегаю к ней, подхватывая под мышки.

– Вставай, – подтягиваю на себя, пытаюсь в кратчайший срок поставить ее на ноги. Оборачиваюсь, понимая, что еще минута, и бежать уже будет нечем. Эти твари все ноги переломают. – Пошли, скорей же, – тащу ее за руку.

Мы пробегаем сквозь толпу, выигрывая для себя фору. Пока бежим, думаю только об одном: ноги мне еще пригодятся, а у гамадрилов не должно быть много мозгов. Главное, чтобы они подумали, что мы спустились в метро.

Забегаем в здание, ныкаясь в угол с терминалами.

Работники без умственной силы минуют турникеты, а мы под шумок выходим обратно. Теперь надо свалить отсюда, пока до уродов не дошло, что нас там нет. Быстро заворачиваем за угол и садимся в первую попавшуюся маршрутку на другой стороне улицы. Уехал домой, мать вашу.

Выходим остановок через десять. Хрен его знает, где мы, я не так хорошо ориентируюсь в этом районе, но это еще полбеды.

– Кто это? – дальше замолкаю. Это как бы финиш. У нее весь нос в крови. Не сразу соображаю, что к чему, а когда доходит, снимаю шарф, вкладывая в ее ладони. – Ты ударилась, когда упала?

Она вновь мотает головой.

– Это от волнения, – прижимает край шарфа к лицу, – у меня так всегда. Понервничаю – и кровь.

– Пойдем, там вон Макдак есть. Умоешься. Меня Богдан зовут, – говорю уже на ходу.

– Спасибо тебе, Богдан, – опускает глаза.

Она не говорит своего имени, а я и не спрашиваю. Мне это не нужно. Все, что мог, я сделал.

– Кто это был?

– Моя охрана, – говорит тихо, но я слышу.

Слышу и поэтому сразу топлю по тормозам.

– Кто, с*ка? Охрана? – убираю руки в карманы, чтобы не треснуть ей подзатыльник, да у нас за такие проделки... – Ты вообще отмороженная, что ли? – ору на всю улицу. – Я думал, тебе помощь нужна, а ты тупо развлекаешься.

Девчонка вскидывает голову, пронзая меня стальным, взбешенным взглядом.

– Это не твое дело. Я не просила мне помогать. Ты сам приперся, ясно? – орет мне в лицо, а я тихо офигеваю от происходящего.

Как втащил бы ей. Реально. Стискиваю зубы, отбирая свой шарф обратно.

– Да пошла ты, дура неадекватная.

– Сам пошел, – в спину.

Я демонстративно ухожу на другую сторону дороги, где ловлю маршрутку обратно к метро.

На подходе к детдому силы как-то резко заканчиваются. Приходится делать большое усилие, чтобы доползти до кровати.

Скинув куртку и ботинки, заваливаюсь на постель, наглухо заворачиваюсь одеялом. По телу проходит дрожь. Голова кажется очень тяжелой, а саднящее горло превращается в проблему века.

Подогнув ноги под себя и скомкав подушку, чувствую, как медленно отъезжаю в сон...

– Милый, как ты? – мама тянет ладонь ко лбу, проверяя температуру. – Сынок, да у тебя жар. Срочно нужно выпить таблетку! – Она выходит из комнаты, а по возвращении несет с собой целую гору лекарств. – Это необходимо, родной, – протягивает стакан воды и пару разноцветных таблеток.

Она внимательно наблюдает, как я принимаю лекарства, после нежно улыбается и треплет меня по голове. Я улыбаюсь в ответ, а она садится на край кровати. На ней длинное нежно-розовое платье. Ее лицо искрится добротой, от одного ее взгляда становится легче. Но это не длится долго, постепенно образ тает....

Перед глазами вновь возникают серые стены интерната.

– Богдан, – шепчет Танюха, – ты как?

– Нормально, Танюх, – растягиваю губы в улыбке, а самому так хреново, что говорить еле сил хватает.

– Там Марина Юрьевна приехала. Мы ей сказали, что ты приболел, так она вся побелела.

– Нафиг сказали? Вы Марину не знаете? Она же сейчас всех на уши поставит, – в горле начинает першить, и я перекатываюсь на бок, – пойду схожу к ней, – встаю с кровати и, шаркая ногами, плетусь в директорскую.

Захожу без стука, либо забываю, либо мне кажется, что я постучал... не знаю. Но голова деревянная, соображаю мало.

– Марина Юрьевна, – подаю голос, прижимаясь спиной к стене.

– Богдан, – вскакивает со стула, почти подбегая ко мне, – да у тебя жар, – трогает мой лоб ладонью, – зачем ты встал, Господи!

– Да все нормально, не переживайте, пару дней – и приду в норму.

– Ох. Пойдем, тебе нужно лежать.

Мы выходим в коридор и медленно возвращаемся в комнату.

– Так, ложись. Танюша, присмотри тут пока, а я пойду в аптеку. Заодно куплю иммунные и противопростудные. Нужно ребятам всем дать.

– Хорошо, Марина Юрьевна.

Танюха с ногами забирается на соседнюю кровать.

– Ты как? – печально вздыхает.

– Да нормально со мной все. Вот все вы бабы такие, два раза покашлял, а вы апокалипсис устроили.

– Богдан, – протягивает мое имя, – я волнуюсь, – поджимает губы.

Знаю я. Прикрываю глаза. Танюха везде таскается за нами, и если ее братец, он же Мелок, думает, что это потому, что она его сестра, то я уже давно просек, что ни хрена не поэтому. Танюха ошиивается везде, где есть я. Если меня нет, то сабантуй ей вовсе не интересен.

Танька нормальная. Красивая, не тупая. Только вот я не тот, кто сильно заботится о своем моральном облике, поэтому, будь мы вместе, я не особо заморочусь, что она сестра моего друга, и обязательно ее тра*ну. Мелок припрется выяснять отношения, будет драка, я сломаю ему нос, а может, руку или даже ногу. Поэтому – оно мне надо? Надо грызться с Мелком из-за его сеструхи, к которой я испытываю разве что минутный интерес?

– Как он? – этот голос прорывается сквозь дремоту.

– Спит.

– Так, я все принесла, собери ребят в зале пока.

– Хорошо.

– Богдан, – холодная рука касается моего лба, и я открываю глаза, – выпей вот это, – протягивает стакан воды и несколько таблеток.

Заглатываю все разом и почти сразу вырубаясь.

В состоянии овоща я валяюсь почти две недели. Две недели просто вывернуты в мусорное ведро. Тренер кипишует и боится, что мы пролетим со спонсором, который очень желает посмотреть на лучшего бойца, то есть меня. Я парюсь из-за того, что, кажется, слетаю с соревнований, и того, что не знаю, что подарить маме Марине на день рождения. Кстати, ей будет сорок один. Это для меня стало явной новостью, притом что выглядит она точно лет на пять младше своего возраста.

Допив чай, ухожу из столовки. В три часа я должен быть на тренировке. Заматавшись шарфом почти до глаз, пересекаю футбольное поле, забегая в корпус спортзала.

– Георгий Иванович, здравствуйте.

Тренер пожимает мне руку.

– Пришел, наконец-то. Я уж грешным делом подумал, что все, – лыбится, демонстрируя отсутствие одного переднего зуба. Причем не вставляет он его намеренно.

– Да не дождетесь.

– Давай десять кругов, пятьдесят отжиманий, ну ты все и так знаешь.

– Ага. Слушай, Иваныч, что можно Баженовой на днюху подарить?

– А у нее день рождения?

– Ага, завтра, – запрыгиваю на турник, начиная подтягиваться.

– Так, а мне никто ничего не говорил.

– Иваныч, они еще с начала недели все скинулись. Мелкова собирала, сам видел, – перевожу вес на одну руку.

Тренер трет усы, слегка задумавшись, а потом грозно шикает в мою сторону.

– Подтягивайся давай, – бубнит, – обнаглел в край, – а сам семенит в свою каморку. Щас Мелковой звонить будет.

Он-то позвонит, а у меня на повестке дня так и остается нерешенный вопрос. Что дарить?

В зале я торчу почти до вечера. Сегодня Иваныч жестит, словно хочет выколлотить из меня душу. Но и я не остаюсь в должниках. Убедившись, что сил во мне хоть отбавляй, он отправляет меня на randevу с грушей, а сам постоянно куда-то звонит.

– Все, – радостно выдыхает, оттаскивая меня от груши.

– Че все-то?

– Цветы заказал на завтра.

– Их в любом ларьке купить можно.

– Не в любом. Это будет от всей нашей секции букет. И торт жена моя испечет именной. Баженова нам с инвентарем помогла, спонсора нашла, а эти курицы мне даже не сказали, что у нее праздник.

– Нормально тебя, Иваныч, зацепило.

– Иди давай отсюда. И сладкого не жрать, тебе подсушиться надо.

– Понял я, понял.

По дороге встречаю Мелка. Этот прохиндей уже успел где-то бухнуть пивка. Копперфильд, блин.

– Шелест, – закидывает свою граблю мне на плечо, – ты че такой убитый?

– Я б на тебя посмотрел, если б ты хотя бы одну третью моей тренировки выволок.

– Да ну тебя. Оно мне не надо.

– Эт я понял. Ты че такой красивый?

– С девочкой в городе познакомился.

– Ты в город лазил?

– Ага.

– Бл*, мы ж договаривались, что так не делаем больше.

– Я один раз.

– Мелок, – говорю тихо, но чувствую, что он и так все понял. Убирает лапу с моего плеча.

– Все, не разгоняй воздух. Больше не повторится. Если с нами, как с людьми, то и мы так же.

– Че за девка-то?

– Катюха, – лыбится, – у нее батя – владелец банка, ну этого, как его, у нас тут на углу точка есть.

– Да понял я. Мажорка? – кривлю губы. – А как же это твое коронное, с такими, как они, в одно поле ср...?

– Завались, Богдаша, – плюет в сторону. – Ты б ее видел.

– Видел я тут одну. Дура дурой, и нос холодный. Пошли уже. Ромео!

Мелок корчится, пытаюсь отвесить мне леща. Но это бесполезно. Перехватываю его граблю, заламывая за спину. Не сильно. Не больно. Но чтоб неповадно.

– Отпусти. Лось.

– Не ной.

Мы почти вваливаемся в коридор, подкалывая друг друга. На ходу стаскиваем куртки, направляясь в столовку. Как раз к ужину.

Следующий день кажется каким-то торжественным. Все поздравляют Марину, жрут торты и по сто раз ходят пить чай. Столовка сегодня работает целый день.

Баженова улыбается, играет с малышкой, а я стою в стороне и бешусь. Бешусь от всего, что здесь происходит. Меня раздражают все собравшиеся вокруг люди, меня тошнит от воплей и смеха малявок, которых она поднимает на руки. Она, с*ка, ведет себя до безумия непрофессионально, потому что не имеет права привязывать к себе детей, не имеет права проявлять к ним столько любви, заставляя зависеть от себя, ставить перед собой на колени.

Не имеет, но делает... Она относится ко всем одинаково, с любовью, большой радостью в глазах. А меня тошнит. Меня разъедает изнутри. Потому что я не хочу этого. Не хочу, чтобы ее внимание было всеобщим. Оно должно, оно просто обязано быть моим.

У нас с ней столько общего. А еще она до дури похожа на мою маму... или же мне просто хочется так думать.

– Ребята, – она поджимает губы, – вы все такие замечательные, вы устроили мне такой праздник. Спасибо вам огромное.

Все хлопают, а я тупо повторяю за окружением. Я даже не слышу, что она еще говорит, не слышу до тех пор, пока в помещении не становится подозрительно тихо. Моргаю, фокусируя взгляд.

– ...ребята, я хочу пообещать вам, что ничего не поменяется. На мое место придет очень хороший человек – Алексей Витальевич. Это мой друг, мы вместе учились, он, кстати, многодетный отец.

Из-за двери выходит широкоплечий мужик, с едва виднеющейся сединой. На носу очки, на шее галстук. Ухахатываюсь внутри, но мне ни хрена не смешно, мне, с*ка, вообще не смешно. Только в этой ср*ной жизни появилось хоть что-то хорошее, как и это у меня выдирают с потрохами.

Резво выхожу из зала. Быстро пересекаю коридор, забирая из гардероба куртку. Меня потряхивает, злость плещется через край. И я с тоской вспоминаю времена, когда нам приходилось здесь выживать. Потому что лучше выживать. Чем находиться под мнимой опекой и любовью. Ей плевать, так же, как и всем. Она поманила нас костью, как глупую стаю голодных собак. Поманила, приласкала, а потом исчезла, оставляя нас один на один с нашей никчемной и никому не нужной любовью.

Глава 3

Богдан.

Я шатаюсь на улице больше суток. Мне не хочется возвращаться, но придется. Если я чего-то хочу добиться в этой жизни, то я должен вернуться и с утра до ночи пахать в зале. Это единственный выход. Один на миллион.

В наш сарай прихожу ближе к вечеру следующего дня. Все, конечно, стоят на ушах. А кто-то хочет мне эти самые уши открутить. Валяев, наш новый директор, смеряет меня рассерженным взглядом и просит пройти в его кабинет.

Я иду по коридору, наталкиваясь на непонимающие взгляды пацанов, и осознаю только одно – я единственный, кто так воспринял новость о Маринином уходе. Только я. Всех остальных совсем не смутила эта перемена. Все с первой минуты прониклись Валяевым, мысленно благодаря Марину за достойную себе смену.

Закрываю дверь директорского кабинета, морально настроившись выслушивать, какой я «плохой мальчик», а когда поворачиваюсь, вплотную прижимаюсь спиной к двери.

В кресле рядом с окном сидит Баженова. На лице каменная маска. Но даже сквозь нее я вижу, как она зла.

Валяев чмокает губами, а потом незаметно выходит в коридор.

– Где? Ты? Был? – голос отдает металлом.

– Гулял.

– Сутки?

– Забыл взять часы.

– Не хохми.

– Даже не пытаюсь. Вы зачем приехали вообще? Бросили, так имейте мужество признать.

Мама Марина вздыхает, одаривая меня нежной, понимающей улыбкой.

– Богдан, – говорит тихим, успокаивающим голосом, – я приехала, потому что хотела поговорить. Я увольняюсь, потому что мне предложили вакантное место завуча в элитном лицее. В другой ситуации я бы отказалась, но, как ты знаешь, мой отец болен, а лечение стоит немаленьких денег. Курс почти непрерывный, а вечно брать «подачки доброй воли» мы не можем, да и добра в них с каждым днем все меньше...

– Я понимаю, – пытаюсь выдавить улыбку, сожаление, хоть что-нибудь, но не могу. До одури не хочу, чтоб наша мама Марина подумала, что я ее не понимаю, что я за нее не рад. Конечно, я все понимаю, и на ее месте сто раз сделал бы так же, только вот без нее здесь опять начнется ад, для меня точно. – Я понимаю. Извините.

– Спасибо, Богдан. Ты замечательный, добрый, умный мальчик.

Она улыбается, а мне хочется удавиться.

– Вы к нам в гости только приезжайте, нам будет вас не хватать. Мне будет вас не хватать, – опускаю голову, крепче стискивая зубы. Она не должна видеть моей почти что сопливой рожи.

– Мне тоже будет тебя не хватать, Богдан, – утирает выступившие слезы.

А я замираю. Я точно слышал то, что слышал? Ей будет не хватать именно меня? Не нас, не их, а меня...

– Богдан, когда мне сказали, что ты сутки не появлялся, я очень испугалась. Я много думала, не сегодня и не вчера, а вообще... не сочти мои слова пустыми... я бы хотела тебя усыновить. Я понимаю, что ты уже взрослый, что все это слишком поздно, но я и так уже потеряла достаточно близких для меня людей, поэтому потерять тебя я просто не имею права, – вытирает скатившуюся по щеке слезинку, делая шаг в мою сторону, – не беспокойся по поводу

документов, школы, я все устрою, – тараторит, подходя все ближе, – у меня много друзей, которые помогут нам сделать все это без проблем, мне нужно лишь твое согласие.

Она замирает напротив меня, а я не могу сказать и слова. Все это кажется сном, или меня до сих пор штырит от антибиотиков?! Не знаю... Марину трясет, впрочем, как и меня. Я все еще стою в дурацком ступоре и не могу пошевелиться.

– Богдан, ты скажешь что-нибудь? – она волнуется, от этого ее голос подрагивает, а ладонь ложится на мое плечо. – Я понимаю, что ты взрослый парень и, возможно, я тебе совсем чужая...

– Я согласен, – перебиваю ее, кое-как пересилив сухость во рту. Смотрю на нее сверху вниз, прижимая кулак к губам.

Я переехал к маме Марине за два дня до Нового года. Она настаивала сделать это раньше, но я не смог. Танюха совсем раскисла и ходила словно приведение, поэтому у меня просто не хватило совести бросить ее в таком состоянии. Хотя я и совесть – понятия довольно абстрактные. Мелковой нужно свыкнуться. Она должна понять, что нам придется расстаться, но также она должна понять и то, что я ее не бросаю. Мы также будем видеться, общаться, созваниваться...

Утром двадцать девятого декабря, когда мы с мамой Мариной навсегда покидали стены интерната, она предпочла не заходить внутрь. Сказала, что подождет снаружи у машины, потому что документы она передала Валяеву еще неделю назад, и лишний раз не хотела делать при детях акцент на том, что она меня усыновила. Как бы она ни отмахивалась глупыми ответами, я прекрасно понимал, что она чувствует свою вину перед остальными. Я ее тоже чувствую.

Меня вышли провожать мои ребята, ну и Таня, конечно.

– Давай, Мелок, – хлопаю друга по плечу.

– Давай, – Серега ухмыляется.

Танюха вытирает слезы, смотря на меня ненавидящим взглядом. Она смотрит, словно хочет прожечь во мне пару дырок, а потом резво срывается с места, забегает обратно в здание интерната. Хочу пойти за ней, но Серега перехватывает мой локоть.

– Не надо. Только хуже будет. Пусть привыкает.

Киваю. Убираю руки в карманы, тоскливо смотря на парадную дверь. Вот и все. Я столько раз представлял себе, как покину эти стены, так желал этого, а теперь нет и намека на радость.

Нет, я, конечно, рад. Очень. Я до гробовой доски благодарен маме Марине, что она вытащила меня с этого дна, но ребята остались здесь. Мелок, Крош, Танюха, Макс – все они остались здесь.

– Богдан, пора, – на плечо ложится женская рука. Значит, она все же вышла из машины.

– Иду, – киваю, а сам еще раз пожимаю парням руки.

Мы выезжаем уже ближе к обеду. Дорогу прилично занесло снегом, а городская техника даже не чешется разгрести эти завалы.

– Все хорошо?

Кажется, не один я чувствую неловкость. Марина ерзает на сидении, постоянно поворачивая голову в мою сторону.

– Отлично. Нам долго ехать?

– Около часа, если без пробок.

Киваю, натягивая на уши наушники. За окном валит снег, а я медленно погружаюсь в сон.

– Богдан, иди завтракать!

Крик мамы Марины невозможно сравнить ни с чем. Он проносится через весь дом, просто проникая сквозь стены. Открываю глаза. Семь утра. Первое утро перед новой школой. Черт бы его побрал. Честно, желания идти в школу, где учатся мажорики, у меня мало, и, если б не настоящие мамы Марины, я бы с удовольствием доучился в интернате. К сожалению, это было невозможно не только из-за ее настояний. Но и из-за правил. Наверное, поэтому я за анархию!

Да и новогодние каникулы оказались слишком короткими, но интересными. Мы катались по Европе. Были в Праге, Лондоне, Берлине, мама Марина сказала, что поездка – это подарок к Новому году.

Странно, но я вообще не помню, когда мне последний раз что-то дарили. А если и дарили, то это сто процентов была какая-нибудь чашка, ложка, ручка...

Зеваю, лениво взъерошивая волосы ладонью. Прическа готова.

Впрыгиваю в джинсы, уже на ходу понимая, что в этом лицейчике балом правит форма. Быстро переодеваюсь, зависая перед зеркалом на пару минут. Рубашка и галстук. Пробую завязать удавку, но становлюсь похож на клоуна. Расстегиваю верхние пуговицы и максимально ослабляю галстук, стягивая его немного вниз, чтобы ворот получился небрежно распахнутым. Идеально. Закатываю рукава, выходя из комнаты.

– Доброе утро.

– Доброе, – падаю на стул, придвигая тарелку с сырниками, – вкусно.

– Ты даже не попробовал.

– Я и так знаю, – отмахиваюсь.

Мама сегодня, как и всегда, на высоте. Черное узкое платье, белый удлиненный пиджак, убранные вверх волосы. Она красива. Странно только, что жила все это время одна. Даже когда был жив Саня. Они жили вдвоем, за редким случаем, когда в гости навещался дед.

Дед говорит, что ее сглазили, поэтому она не может найти нормального мужика. А потом утверждает, что нормальные мужики вымерли. В общем, дело темное.

– Богдан, сегодня твой первый день в лицее, и я хочу пожелать тебе удачи.

– Бл-г-д-рю, – отвечаю с набитым ртом, делая глоток чая, – спасибо.

– Это хороший лицей.

– Я все равно не понимаю. Я мог бы учиться в обычной школе.

– Нет, Богдан. Знаю я тебя, ты там всю школу вверх ногами поставишь без меня. Поэтому, если ты будешь постоянно перед глазами, мне будет спокойнее.

– А может, я им не подойду?

– Ты круглый отличник, не придуривайся.

– А деньги?

– Для детей учителей у них есть небольшая материальная поощровка. Если ребенок соответствует их уровню знаний. А ты соответствуешь. Кстати, послезавтра будет тест на проверку знаний, и только попробуй провали его.

– А если будут сложные вопросы?

– Богдан.

– Ладно, ладно, напишу я тебе этот тест. На-пи-шу.

– Вот и хорошо. У тебя сегодня есть тренировка?

– Ага, – продолжаю жевать, – слушай, а почему тест не в начале года?

– Он для большинства обучающихся. Для кого-то это шанс попасть под эту программу и не оплачивать это полугодие, а для тех, кто хочет поступать в заграничные университеты, возможность начать проявлять себя. Наш лицей сотрудничает с университетами Лондона, Берлина, Оттавы.

– Нормально так.

– Ты поел?

– Ага.

– Тогда поехали. Еще не хватало опоздать в первый день.

– Поехали.

Всю дорогу до школы она болтает без умолку. Думает, что я переживаю. Боюсь. Хотя на самом деле мне пофиг. И страха я не испытываю. Что там может быть такого, чего стоит бояться? Я в этой жизни уже и так многое пережил. Поэтому до закидонов золотой молодежи мне вряд ли будет дело.

На парковке Марина продолжает говорить. Улыбается. Несколько раз пытается поправить мой галстук, но я остаюсь непреклонен. Как хотят, но мне нужна индивидуальность. Ходить в этом стаде клонов не для меня. А застегивать пуговицы до последней – тем более.

С парковки мы идем к длинному двухэтажному зданию песочного цвета. Здесь панорамные окна, через которые я замечаю бассейн.

– Ни пуха тебе, – целует в щеку, быстро стирая с нее свою помаду.

– К черту, – улыбаюсь.

– Я пошла. Тебе на второй этаж.

– Ага, – киваю, отворачиваясь. Мама Марина уходит, а я тру нос, рассматривая заснеженное футбольное поле с высокими трибунами.

Нормальная такая школа. Чего-то подобного я и ожидал. Закинув рюкзак на одно плечо, захожу внутрь. Народу немного. Все такие прилизанные, лоснящиеся. Аж тошно становится.

Взбегаю по лестнице в поисках кабинета.

– Ты че здесь делаешь? – это первое, что я слышу, проходя по душному коридору новой обители знаний. Тоска зеленая. А когда поворачиваюсь, радости моей нет предела. Павлик Сомов – собственной персоной.

Мажорик, думающий, что выиграть можно, только когда у тебя есть бабки. Соперничек. Этот слизняк с самого первого дня тянет одеяло на себя, в сотый раз бросая мне вызов и публично проигрывая. Боец из него – дно.

К моей дикой скорби, это создание тренируется со мной в одном клубе. Не так давно, последние пару месяцев, как у нас появился спонсор и мы смогли позволить себе хороший клуб. Но и за это время этот идиот успел всем стать поперек глотки.

– Да вот зашел и здесь тебя отделать, – смеюсь в лицо этому придурку, – расслабься, – хлопаю по плечу, – учусь я теперь тут.

– Ты? Ты ж ср*ный детдомовец, кто тебя сюда взял?

– Так тебе морду начистил, вот они и решили, как они здесь без меня будут. Считаю, за заслуги перед родиной, – наблюдаю, как багровеет лицо этого недоноска, – я же тебе говорю, расслабься, не напрягай оставшуюся извилину, а то и эта порвется.

– С*ка, Шелест, – шипит, как ужик, – мы с тобой еще не договорили, – толкает меня в грудь, но собирается уйти, а кто ж ему даст? Знает, что огребет. Вот и зашевелил ножками.

– Стой, Сомов. Стой, – бросаю на него пренебрежительный взгляд.

– После уроков, за школой, я буду тебя ждать, – раскидывает руки в разные стороны и скалится мне в ответ.

Я киваю и только сейчас замечаю, как мелкая девчонка льнет к нему, смотря на меня, словно это я здесь страх потерял, а не ее недоносок. Стерва. И я ее знаю.

Блондинистая малявка с карими глазками. Бешеное сочетание. Она у меня из головы с декабря не выходит, а тут нате вам, какая неожиданная встреча.

Богатенькая деваха, сбежавшая от горстки охранников. Вот вам и каламбур. И если тогда у меня хватило ума ее спасти, то теперь моим желанием было скорей придушить эту пигалицу. И все, мать вашу, из-за Сомова. У нас с ним война, а она, оказывается, на его стороне. Обидно. Но это ненадолго.

Бегло прохожусь по ее фигуре, прекрасно понимая, что она знает, куда я смотрю. Девчонка хмурится и запахивает пиджак, скрещивая руки на груди. Забавная. Смотрю в ее широко

распахнутые глаза, чувствуя, что что-то происходит. Что-то едва осязаемое, неземное. Оно похоже на тонкую вуаль или же чистый белый шелк. Едва осязаемое, невероятное...

Смотрю на нее как дурак и не могу отвести взгляд, как в кино, в долбаной замедленной съемке. Малая тушует, прячет глаза, но мне плевать, с головой накрывает волной непреодолимого желания коснуться ее, но эта пелена рушится, стоит ей вновь поднять глаза. Холод, злоба, ненависть. В ее глазах плещется ярость с примешанным к ней отвращением.

Убираю руки в карманы и мгновенно капитулирую. Осознание того, что малая смотрит на меня волком, из-за кого-то вроде Сомика, жутко бесит.

– Паш, – тянет его за рукав, а этот увалень изо всех сил делает вид, словно она его от меня оттаскивает. Ага. Мне ногой сейчас стоит только топнуть, и этого спортсмена ветром сдует. Конечно, какие свидетели? Не хочет позориться, школьный айдол, блин.

– Адьес, голубки, – машу им рукой и ухожу в другую сторону. Ничего, школа круглая, дойду до класса другим путем.

Но, когда прихожу, все оказывается еще смешнее, эти Бонни и Клайд восседают за первой партой. Да, весело будет.

Кидаю рюкзак на пол, усаживаясь на стул, выбираю, конечно, «камчатку». Тут и к выходу ближе, и от училки подальше.

Вхожу уже перед самым звонком, поэтому меня особо никто не замечает, да и дверь находится за пять парт от доски. Звенит звонок, и спустя минуту в класс заходит высокая женщина лет пятидесяти. На носу очки, в руках журнал. Она, словно цербер, идет вдоль проема, отпугивая от себя сидящих за партами, и это, конечно, не может оставаться без интереса.

– Шелест, – сканирует аудиторию, – встать.

Брови ползут вверх, на лице красуется усмешка, но я все же занимаю перпендикулярное полу положение.

– Итак, – сжимает в руках указку, – Богдан Шелест теперь учится в нашем классе. Меня зовут Александра Васильевна, я ваш классный руководитель. Садись.

За первыми партами начинается возня, и Васильна хлопает указкой по столу, щурит глаза, медленно поправляя сползшие на нос очки.

– Если вы думаете, что учитесь здесь за деньги и поэтому можете делать что хотите, ошибаетесь, – строгий взгляд ползет по аудитории, словно желает проникнуть в душу каждого.

– Вот именно, мы-то за свое платим, а некоторые приживалки за наши бабки знания получают, – кидает камень в мой огород Сомов, лыбясь. Явно доволен собой, урод. А вот милашка тушует, мне и с задней парты видно, как напрягаются ее плечи после его слов.

– Сомов, встань! – Васильна подходит ближе, останавливаясь почти нос к носу. – Еще раз я услышу что-то подобное, и ты пойдешь отсюда вон. И никакие деньги, папы, мамы не помогут тебе вернуться в этот класс, чтобы получить оценку по моему предмету в аттестат. Ты меня понял?

Павлик молчит. А хорошая она тетка, Васильна наша, хоть и класснуха.

– Меняйся с Шелестом местами, да побыстрее. А ты, – тыкает в меня указкой, – на первую парту, живо.

– Александра Васильевна, я не хочу с ним сидеть, – лопочет блонди, но на математичку это не производит никакого впечатления.

– Гольштейн, ты сюда учиться пришла или с Сомовым революции устраивать?

– Учиться.

– Вот и учись. Шелест, пошевеливайся. Мы и так уже десять минут от урока потеряли.

Поднимаюсь со стула, чувствуя на себе взбешенный взгляд Павлика. Где-то в центре прохода мы толкаем друг друга плечами, расходясь, как в море корабли.

Бесшумно отодвигаю стул и кидаю рюкзак на пол. Тетрадь же летит на гладкую поверхность парты. Гольштейн отворачивается, стоит мне сесть рядом, а после и вовсе отодвигается

чуть в сторону. Чудны дела твои, Господи. Ухмыляюсь, забираю у нее одну из трех ручек. Свою забыл, но вот зачем ей три, мне не понятно.

– Положи на место, – пререзается голосок.

Я же всем видом показываю, что слушаю Васильну и вникаю в каракули на доске.

– Не жадничай, – шепчу, поворачиваясь к ней. У нее очень красивые, выразительные глаза – крупные, миндалевидные. В них есть что-то особенное, но, если не всматриваться, первое что приходит на ум, это коварство. Хитрые, лисичкины глазки. У Гольштейн вообще очень притягательная и нештампованная внешность. Сердцевидное личико и, казалось бы, такое невинно-честное на первый взгляд, пухлые губы, с четкой, заостренной в треугольнички верхней.

Она кукольная, но не как Барби, нет, она из коллекции редких, тех, которые в одном экземпляре на весь мир.

– Тебя не учили, что чужое брать нельзя? У вас там вообще культуре не учат?

– У нас – это где?

– В вашем детдоме, – шурит глазки и смотрит волчонком. Именно волчонком, до гордого волка ей еще слишком далеко.

– Скажи мне, я сделал лично тебе что-то плохое?

– Что? – вытягивает мордашку.

– Не уподобляйся своему дружку с отморожением мозга, – прокатываю ручку по парте, так, чтобы она поймала. Сам же вжимаюсь спиной в спинку стула и, сложив руки на груди, залипаю на доску.

Сбоку слышится копошение, но мне уже не интересно. Своими тупыми вопросами и предположением она отбила у меня всякое желание хоть к каким-то действиям в ее сторону. Такая же богатенькая тварь, с раздутым эго и полным отсутствием хоть какого-то мозга.

Так проходит весь урок, следующая по расписанию физра. Хоть что-то интересное. Убираю тетрадь в рюкзак, слыша тихое «Прости», а когда оборачиваюсь, Гольштейн пулей вылетает из класса, все, что осталось от ее присутствия здесь, лежащая на моей стороне парты ручка.

Перед физрой медленно прогуливаюсь по школьному коридору. Подходя к столовой, слышу такой знакомый голос. Сомов. Усмехаюсь. Вот же везение, сегодня фортуна в ударе. Подхожу сзади и без колебаний хватаю этого козла за шиворот. Ждать Павлика до конца дня совершенно нет никакого желания, поэтому то, что он подловился на большой перемене, мне только в плюс. Не надо будет тратить время на этот мусор после уроков.

Подцепив его за шкирку, утаскиваю на задний двор, хорошо, что, пока я искал класс с утра, узнал, где он находится. Мажорики только плятятся. Ни один не делает и шага. Вот и вся дружба.

Ухмыляюсь, кидая блондинчика в мелкий сугроб, и убираю руки в карманы. Его безмозглая свита бежит к нам, но останавливается в нескольких метрах, не решаясь подойти, нет, «счастливчик» огрести быстрее Сомова, конечно, находится. Коротконогий крепыш, с раскочанной трапецией, только выглядит он от этого еще более нелепо, почти сразу кидается в бой, но, перелетев через колено, сводит свой пыл на минимум.

– Слушаем меня, зайчики и соболята, – выкручиваю руку Павлика, но, знаю, знаю, лежащих не быют, – услышу из ваших разговорков еще хоть одно слово в мою сторону, в снежный ком заверну, – стреляю глазами в ближайший сугроб. – Понятно объяснил?

Ответом служит тишина. Какие глупые, несговорчивые и вредные «мальчики». Пинаю Сомова, и тот начинает кивать, словно болванчик.

– Ну, будем считать, что познакомились, – выпускаю из захвата и, поправив сползшую с плеча лямку рюкзака, ухожу в закат.

Глава 4

Герда.

Пулей забегаю в раздевалку, почти не оставляя себе сил даже на то, чтобы отдышаться. Кто он вообще такой, этот Шелест? Ведет себя как питекантроп. И эти взгляды...

Растираю плечи руками, словно это поможет отделаться от мерзких ощущений. Мороз по коже. Кого он из себя строит?

А самое отвратительное, что я вспоминала его после той встречи на улице. Тогда он помог мне сбежать от охраны, которая силком тащила к гинекологу по приказу папули. Он хотел удостовериться, что я не сплю с Сомовым. Как омерзителен этот мир. Да даже если бы я и спала с ним, это никак не может касаться моего отца. Никак. Но он думает иначе. У него свои правила. Свое мнение по поводу всего. Сжимаю кулаки, чувствую прилив злости.

– Не уподобляйся своему дружку... бе-бе-бе, – шепчу себе под нос, а саму аж передергивает.

Быстро переодеваюсь, я и так уже минут на пятнадцать опоздала, меня словно токомшибануло, а потом еще и парализовало, после его дурацких слов я выбежала из класса, как первоклашка, еще и ручку ему оставила. Бежала, а саму чуть ли не трясло, всего пара каких-то дурацких слов вывели меня из себя, задели за живое. А здесь, здесь я не могу показывать слабость, не могу проявлять сочувствие. Меня не поймут, да и нет у меня этого сочувствия. Мне все равно. Абсолютно. Только почему я до сих пор ощущаю стыд?

Как я вообще могла додуматься брякнуть ему про детдом, а после всю большую перемену просидеть на внешнем дворе? Одна. Дура! Ей-богу, дура.

Шнурую кроссовки, убирая телефон в карман худи. Мысленно уже представляю, как на меня орет Палыч, но он не Альбина, двадцать кругов наматывать не заставит.

Захожу в зал, переглядываясь с Катькой. Та сидит на лавке, имитируя подвернутую ногу. Подсаживаюсь рядом, в надежде, что меня тоже не заметят.

– Герда, я думала, ты прогулять решила, – театрально потирает ногу.

– Опять подвернула?

– Ага.

– Пятый раз за месяц? – вскидываю бровь, стараясь изо всех сил скрыть улыбку.

Катка – это такой тип людей, над которыми нельзя стебаться, она не поймет. Будет потом дуться. Она вообще все в штыки воспринимает, во всех видит угрозу, и думает, что все только ее одну и хотят обидеть. Наивная. Но как друг – хорошая. Мы дружим класса с пятого, всегда стараемся держаться вместе, помогать. Но за последний год слегка отделились, я активно взялась за учебу и маячащую на горизонте золотую медаль, иначе отец вышвырнет меня из дома и лишит всех денег, а Катрин влюбилась в какого-то городского мальчика. Вдыхаю.

– Я симулирую, – шепчет мне на ухо, – бегать вообще неохота.

– М-м-м, – веду плечом, замечая подтягивающегося Шелеста, залипательная, я скажу, это картина. Я последние два года хожу в фитнес-зал с Сомовым, и знаю, как он пашет, но даже у него не такие мощные, выточенные, словно из камня, руки. Идеальный бицепс... и я уверена, что пресс у него тоже не менее идеален. Закусываю губу, понимая, что привлекла озадаченный взгляд Катюхи.

– А новенький-то наш ух!

– Ничего особенного, – морщу нос.

– Ну не знаю... я бы с ним замутила.

– А как же твой этот, как его?

– Сережа? Так мы расстались.

– Правда?

Неожиданно. Это странно, но этот факт вдруг начинает волновать меня больше всего.

– Ага, – даже не смотрит в мою сторону, просто пожирая Шелеста взглядом, – пойду, пожалуй, сделаю растяжку, – хитро улыбается, подпрыгивая с места.

Бабочка, блин. Стискиваю зубы, выпячивая губы трубочкой. Демонстративно отворачиваюсь от этой Санта-Барбары, складывая руки на груди.

– Гольштейн! – раздаётся над самым ухом.

От неожиданности я вздрагиваю, даже не смотря на обладателя вопля, знаю, что это Альбина. Какого черта? Почему сегодня она...

– Двадцать кругов, Гольштейн, живо.

– Слушаюсь и повинуюсь, – с язвительной улыбкой.

Пока наматываю круги, то и дело бросаю косые взгляды на Катюку. Подруга вертит ж*пой перед Шелестом, уже совершенно забыв о том, что она пошла «делать растяжку». Вдыхаю глубже, заходя на четвертый круг. Не успеваю вставить в уши наушники, чувствуя чужое присутствие по правому боку. Оборачиваюсь в надежде, что это Пашка, решил скрасить мое одиночество, но нет, это Шелест. Шелест!

Хорошо, что я невпечатлительна, иначе бы грохнулась в обморок от неожиданности, сто процентно приводя его в экстаз. Знаю я таких. Им только повод дай. Ускоряюсь, но он и не думает отставать.

– Что тебе надо? – шиплю где-то на десятом круге, понимая, что он так и будет волочиться за мной надоедливой тенью.

– Что? – удивленно так.

– Отстань от меня, – вновь ускоряюсь, но прекрасно понимаю, что еще круг в таком темпе – и я труп. А ему хоть бы что, бежит, лыбится.

– Я к тебе не приставал, – резко останавливается, хватая меня за руку, – а вот сейчас, – притягивает ближе, заставляя почти что влететь в его грудь носом, – пристаю.

– Не трогай меня, – вырываю руку, отскакивая на метр, – офигел? – ору, привлекая к нам внимание. Боковым зрением сразу улавливаю Павлика, который даже не чешется подойти ближе.

– Ага, – спокойненько пожимает плечами, – побежали, – толкает меня вперед, – Альбина смотрит.

И я бегу. Как полная идиотка, бегу, спиной чувствуя его прожигающий взгляд. Пробегая мимо Сомова, хмурюсь, кидая ему вызов одним взглядом, он делает шаг в мою сторону, а после замирает. Оборачиваясь, замечаю лишь, как опускается рука Шелеста. Что за фигня здесь происходит?

– Давай, Гера, шевели батоном. Как муха сонная же.

– Заткнись.

– Хамишь? – ровняется со мной.

– Как ты догадался?

– Ж*па у тебя, Гольштейн, конечно, так себе, приседать почаще надо, – Богдан не дожидается моей реакции и убегает вперед.

А я не могу поверить в то, что он мне только что сказал. Он. Мне. Открываю рот, чтобы ответить, но закрываю его в ту же секунду. Ладно, мы еще посмотрим, кто кого.

Догоняю его не сразу, и я более чем уверена, что он просто позволил мне это сделать.

– Ну что, придумала, чем ответить? – слышу, стоит только с ним поравняться.

– Мне претензии озабоченных девственников безразличны.

– Как ты лестно о своем парне.

– Ты мне не парень, Шелест... не дай бог.

И как он только мог назваться моим парнем? Где я и где он? Небо и земля. Я никогда не буду встречаться с кем-то вроде Шелеста. У него же на лбу написано: все, что он умеет, это бить людей и растить мышцы.

Закатываю глаза, чувствуя отвращение, лишь представив нас вместе.

– Да я и не про себя вообще-то, – останавливается, добежав до скамеек, – но мне по кайфу, что такая звездюлька, как ты, меня в свои принцы в первый же день записала.

– Что? Ты... ты...

– А вот и наш друг.

Шелест закидывает руки за голову, а я, полностью потерявшаяся в ситуации, только и могу, что проследить за его взглядом. И такая злость накатывает. Цыплячьей походкой к нам тащится Сомов, даже не тащится, ползет. Словно выжидает, пока Шелест свалит, но он даже и не собирается.

– Павлуша, – раскидывает руки, – а мы тебя ждем. А то Гертруда твоя уже мне тут предложения непристойные делает.

Лицо Сомова вытягивается, а я закрываю глаза, чтобы не смотреть на весь этот ужас.

– Герда? – звучит это раздосадованно, но это не главное, главное, что он ему верит.

Прекрасно!

– Ладно, купидоши, счастливо оставаться, – разворачивается ко мне лицом, – захочешь еще побегать – зови, с радостью составлю компанию, – подмигивает и медленно идет к выходу из спортзала.

– Что это было, Герда?

– У меня к тебе тот же вопрос, – рявкаю что есть сил, – он меня облапал, а ты как последний, – обрываю себя, – стоял там. Что это было?

– Я не мог, не сейчас. Прости. Не переживай, уже завтра его здесь не будет!

Молчу. Раздражение плещется через край, все, на что остается самообладания, это хлопнуть Сомова по плечу и уйти в раздевалку. Но даже здесь весь это спектакль не заканчивается. Не успеваю сесть на стул, как ко мне подлетает Катюха.

– Ты что, запала на Шелеста?

– Ерунду не говори, – шиплю на Катюку.

– Ну ладно, – закусывает пальчик, – тогда он мой. Думаю, через пару дней мы будем парой, – мечтательно.

– Совет да любовь, – ухожу в душ.

После физкультуры чувствую себя подавленной.

В класс прихожу последней, хоть и люблю литературу. Сегодня читаем Есенина, но я нахожусь в какой-то прострации. Постоянно отвлекаюсь, смотрю в окно, любясь, как хлопья снега, кружась, ложатся на землю. Есть в этом что-то романтическое.

Анна Андреевна рассказывает биографию поэта, улыбается. Мне она всегда импонировала, открытая, добрая, миниатюрная женщина со стрижкой ежиком. Темные волосы всегда стильно уложены в небольшой хаос, только добавляющий ей шарма. У нее тонкий и тихий голос. Она читает отрывок из «Исповеди хулигана», мне нравится это произведение, в моем айпоне даже есть трек на этот стих.

Пока Анна читает, я внимательно слушаю ее голос, представляя какую-то романтическую чепуху.

– Ребята, – эти слова спускают меня с мягкого облака, и я внимательно смотрю на преподавателя, – вы все знаете, что на следующей неделе у нас проходят ежегодные контрольные тесты, литература, как и всегда, будет в списке предметов. Я надеюсь, что вы меня не подведете.

Класс закивал, а я полезла в тетрадь, убеждаясь, что у меня есть весь пройденный за предыдущие четверти материал.

– До звонка пятнадцать минут, – Анна замирает у окна.

Все знают, чего она ждет. Каждый урок мы посвящаем эти минуты прочтению стихотворения. Выбирается один ученик, который читает у доски отрывок или целое произведение поэта или писателя, которого мы проходим в данный момент.

– Есть желающие?

Все молчат. И вроде бы Анна уже спешит к журналу, как Сомов, хитро прищуриваясь, смотрит на Шелеста, а потом говорит:

– Анна Андреевна, пусть новенький прочитает.

Класс улыбается, а Анна внимательно рассматривает Шелеста.

– Хорошая идея, Паша. Богдан, прочтешь нам что-нибудь?

– Без проблем, – поднимается из-за парты, шагая к доске. По дороге угрожающе смотрит на Сомова, и тот стискивает зубы, убирая с лица улыбку.

– Что из творчества Сергея Александровича мы услышим?

Шелест бросает беглый взгляд на аудиторию, потом медленно переводит его на Анну, убирая руки в карманы брюк.

– «Пой же, пой».

– Интересный выбор, – отходит в сторону, слегка взмахнув ладонью, как бы прося начать.

Шелест закусывает губу, опуская глаза, а я замираю. Пара секунд его молчания заставляют кровь прилить к щекам. Я стискиваю пальцами тетрадь, не понимая, чего так волнуюсь.

Богдан медленно открывает глаза, а я вздрагиваю. Меня словно превращают в ледяную фигуру, лишая возможности двигаться. Он смотрит на меня, изучает. Склоняет голову вправо, губ касается едва заметная улыбка. Она хищная, как у лиса, вышедшего на охоту.

Я смотрю на него, пытаюсь выдержать напор его бешеной энергетики. Она подавляет, он плещет эмоциями. В его глазах буря, нет, в них полнейшее безумие.

Я сглатываю, чувствуя, как сердце совершает очередной кульбит, вздыхаю, касаясь пальцами шеи.

Богдан вскидывает голову, и его громкий, надрывный голос прокатывается по классу:

«Пой же, пой. На проклятой гитаре

Пальцы пляшут твои в полукруг.

Захлебнуться бы в этом угаре,

Мой последний, единственный друг.

Не гляди на ее запястья

И с плечей ее льющийся шелк.

Я искал в этой женщине счастья,

А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь – зараза,

Я не знал, что любовь – чума.

Подошла и прищуренным глазом

Хулигана свела с ума».

Он читает с интонацией, с душой нараспашку, читает и не сводит с меня глаз. Ощущение его интереса образует во мне сгусток растерянности и трепета. Я поджимаю губы, внутренне улыбаясь. Паша замечает мое напряжение и придвигается ближе, накрывая мою ладонь своей. Кажется, этот жест не уходит и от внимания Богдана. Я всеми фибрами души желаю, чтобы Сомов убрал от меня руки, но демонстративно кладу ладонь поверх его. Шелест кривит губы, делая паузу, а после продолжает:

«Пой, мой друг. Навесай мне снова

Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другого,
Молодая, красивая дрянь».

Последнюю строчку он почти шепчет, а мое сердце падает вниз. Он с извращением смакует каждое слово, будто обращаясь ко мне.

Богдан замолкает, и класс вновь наполняется тишиной.

Анна хлопает, лучезарно улыбаясь.

– Богдан, – прикладывает ладонь к груди, – как выразительно, не ожидала, – признается Аннушка.

Класс слышит звонок и начинает собираться.

– Ах да, Богдан, совсем забыла, тебя вызывают к завучу.

Я замираю. Сомов вальяжно поднимается из-за парты, буравя Шелеста взглядом. Пашка явно доволен собой, а мне припоминаются его слова в зале о том, что Шелеста здесь завтра не будет. Вот и хорошо. Не подходит он для этой школы, он другой.

Хотя, если быть с собой честной, я просто до коматоза боюсь того, что моя ненависть к нему может оказаться совсем иным чувством.

Толкаю Пашу в плечо, чтобы он переставал играть в гляделки, я так опоздаю домой. После школы мне нельзя болтаться в городе, иначе отец будет мной недоволен.

Стаскиваю сумку со стула и, опустив глаза, иду к выходу.

У школы, как и всегда, меня ждет водитель. Забираюсь на заднее сидение Мерседеса, Паша лезет следом, предварительно отпустив свою машину.

– Антон, выключи, пожалуйста, музыку, – говорю водителю, откидывая волосы назад.

– Хорошо, Герда Брониславовна.

Антон выключает радио, а я вытаскиваю из сумки тетрадь по истории, нужно повторить даты. Если я напишу тест не на высший бал, можно даже не приходить домой, потому что меня и так там будет ждать гильотина.

– Герда, – Пашкина рука ложится на мое колено, – выброси ты эти тетрадки, – вырывает из моих рук конспект.

Я хмурюсь, скидывая его руки. Еще не хватало, чтобы Антон проболтался об этом отцу. Он в последнее время Сомовых не жалуется, а если будут всплывать пикантные подробности наших с ним отношений, он просто оторвет нам головы. Вот и все. Вот и все.

– Не бесись. Не будет завтра этого придурка. Я уже все устроил.

Я мысленно взрываюсь. Ну почему именно сейчас и почему опять о нем? Чтоб он провалился, этот Шелест.

– И что ты сделал?

– Сходил к Юсуповой и рассказал о том, как этот гопник дела решает.

– И как? – приподымаю бровь. Неужели Шелест все-таки отделал Сомова?!

– Да никак, я соврал, конечно, что он руки распускает. Но все же слышали, как он нам угрожал в коридоре.

Киваю, забирая свои мысли обратно. Вряд ли Шелест может что-то сделать Паше, он с двенадцати лет борьбой занимается, в профессионалы не лезет, но все же удар у него явно поставлен. А Шелест так, глупая уличная шпана. Хотя он что-то говорил про клуб и прочее, выпендривался, наверное. Да и откуда у него деньги, чтоб ходить в клуб, где тренируется Сомов? Там месяц стоит несколько тысяч евро. А он явно к нам в школу по какой-то спецпрограмме попал.

К особняку я подъезжаю уже в хорошем настроении. Сомов шутит без перерыва, открывая мне дверь, Антон берет наши сумки и приносит в дом следом. Паша рассаживается на диване, закидывая ноги на банкетку.

Я устраиваюсь в кресле, скидывая сапоги на коврик.

– Малыш, а дома кто-то кроме прислуги есть?

– Нет, – не отрываю глаз от экрана телефона, залипая в инсте.

– Может, поднимемся к тебе?

– Нет. Отец скоро придет, – откладываю телефон в сторону.

Сомов плотно сжимает губы, демонстрируя недовольство.

– Не дуйся. Давай завтра на снегоходах покатаемся?

– Где?

– Не знаю. Можно за поселком... отец приволок из Германии какую-то новую модель.

Опробуем ...

– Слушай, идея. Кстати, вечером в субботу твоя Катюха устраивает вечерину. Мы же идем?

– Не знаю. Если отец отпустит...

– Что ты все «отец-отец»? Забей ты на него, – смеется.

Только смеется он сейчас, когда моего отца здесь и близко нет. А вот стоит ему появиться, весь пыл Сомова мгновенно сойдет на нет, и он будет пресмыкаться перед ним, как и все остальные.

– Я попробую отпроситься и сказать, что мы с Катюхой подготовимся к тестам.

– Заметано.

По гостиной гулко прокатывается стук каблучков, и позади нас появляется мама. Она вновь с пакетами от всевозможных брендов.

– Детишки, – улыбается, – привет. Как дела?

– Хорошо, тетя Оль. Какие у вас шикарные серьги.

Мама расплывается в улыбке. Она обожает комплименты, и еще больше обожает, когда их делают ее бриллиантам.

– Да. Муж подарил. Вчера буквально, – улыбается одной из своих заученных улыбок. Но я, как и всегда, вижу в ней боль. Об этом так громко кричат ее глаза. Они кажутся стеклянными, бездушными, но на самом деле они блестят от слез и бессилия. Каждое украшение, каждая неприлично дорогая вещь в этом доме, купленная мамой – очередная измена отца.

Они живут так на протяжении последних десяти лет. Они знают, что я знаю. Да они никогда и не пытались скрыть. Им плевать, что чувствую я. Они беспокоятся лишь о себе. Все в этом доме, в этом поселке, думают лишь о себе.

Поджимаю под себя ноги, опуская глаза.

– Вы ели?

– Не. Мы только приехали.

– Доченька, скажи Любе, чтоб накрывала на стол. Покушаем, посплетничаем, – подмигивает, ставя пакеты на пуф.

– Хорошо.

Поднимаюсь с дивана в поисках Любавы. Нахожу ее в прачечной, она как раз доглаживает простынь.

– Деточка, ты уже вернулась, как я тебя прокараулила? – одаривает улыбкой.

Я люблю Любу, она классная. Простая, немного полноватая, но такая отзывчивая, добрая. Иногда кажется, что вместо сердца у нее обогреватель. Она готова обогреть и приютить всех и каждого в этом мире. Она работала у нас еще задолго до моего рождения. Еще когда был жив дед, это он принимал ее на работу. Она часто о нем рассказывает и говорит, что мой отец совсем на него не похож. Дед основал отцовский бизнес, но никогда не был таким бесчувственным и холодным. Отец же полная его противоположность.

– Мама просит накрыть.

– Бегу, моя золотая, бегу, – Люба торопливо спускается в кухню, а я волочусь за ней следом.

Глава 5

Богдан.

В кабинете завуча меня уже ждут с распростертыми объятиями. Директриса, завуч – она же мама, и физрук. Наличие последнего слегка подтасовывает логику.

– Марина Юрьевна, вы понимаете, что это переходит всяческие границы, – сетует Юсупова.

– Маргарита Владимировна, я вам обещаю, что это было в первый и последний раз, – сдержанно улыбается, – да, Богдан? – строгий взгляд полосует меня на равные кусочки, заставляя кивнуть.

– Да ладно вам, Маргарита Владимировна, – влезает физрук, – это ж богатырь, он сегодня кросс пробежал – и ни в одном глазу, – ржет как конь над двойственностью своего высказывания, – не то что эти дохлики. Озадачим его внеклассной работой, у нас скоро день здоровья. Вот он мне и поможет.

Юсупова пристально смотрит на физрука, а потом кивает.

– Ладно. Но это первое и последнее предупреждение.

После этих слов она выходит из кабинета, не забывая захватить с собой физрука и начать втирать какую-то дичь про мячи и маты.

Марина смотрит им вслед, а как только за ними закрывается дверь, поворачивается в мою сторону.

– Богдан, драка в первый же день. Ты недельку хотя бы не мог подождать?

– Я случайно.

– Случайно?

– Ты же в курсе, кто получил по тылке?

– Еще бы, его отец в директорской час орал.

– Прости, – убираю руки в карманы, представляя, сколько маме Марине пришлось вытерпеть за этот час.

– Ладно, у тебя сколько уроков осталось?

– Один.

– Тебя подождать?

– Не, сам доеду.

– Хорошо. После тренировки сразу домой. Ты же помнишь, что обещал помочь с коробками?

– Помню. Буду в восемь ноль пять.

– Иди уже, – мать улыбается, легонько подталкивая меня к двери.

Я выхожу из кабинета завуча под косящиеся взгляды. Я более чем уверен, что они думают, что уже завтра меня здесь не будет. Посмотрим.

На улице бегло замечаю садящуюся в машину Гольштейн, следом за ней прыгает Сомик. Не с*ка ли? Сначала настучал, а теперь сваливает как ни в чем не бывало. Урод.

Хмурюсь, ощущая присутствие.

– Ругали? – писклявый голосок доносится слева.

– Ага, выпороли, – закидываю руку за голову, поворачиваясь на звук.

– Шутник, – улыбается, – я Катя, мы одноклассники. Не успели познакомиться.

– Богдан.

– Я знаю. Тебя уже почти вся школа знает. В первый же день поставить Сомова на место – это достойно аплодисментов.

– Обойдусь, – пытаюсь ретироваться, но, кажется, пиявка присосалась надолго.

– Что делаешь в субботу вечером?

– А есть предложения?

– Я устраиваю вечеринку. Родители сваливают на Маврикий. Дом будет полностью в нашем распоряжении. Весь класс идет, поэтому отказы я не принимаю, – тыкает своим костлявым пальцем мне в грудь.

Я больше чем уверен, что она думает, что это секси. Дура.

– Я подумаю, – убираю руки в карманы и уже до беспридела хочу поскорее свалить.

– Подумай, подумай, – встает на цыпочки.

Знаю, что она хочет сделать. Знаю и намеренно поддаюсь на ее «типа уловку». Рыбеха сама плывет в сети, а ведь даже не догадывается о последствиях. Она медленно проводит языком по моей щеке, издавая при этом писклявые смешки. Бл*дь – просто констатирую факт и без церемоний тащу ее за угол школы, вплотную прижимая к стене.

– Катюша, Катюша, – тащу бегунок молнии на ее куртке вниз, та разъезжается без преград.

Она продолжает улыбаться, отвратительно цокая языком. Пальцы касаются ремня на моих брюках, но я перехватываю ее руки.

– Тут камеры, – указываю на висящую в углу линзу.

– Тогда где?

– Ты тут больше ориентируешься, – усмехаюсь, заползая ладонью под чашку ее лифчика.

– Идем, – шепчет почти в губы.

Мы быстро перемещаемся в какой-то небольшой кабинет, похожий на подсобку. И Катюха оперативно стаскивает с себя куртку.

– Блин, – ржет, а сама с остервенением хочет расстегнуть мой ремень.

Подхватываю Катюху под зад. Вдалеке вижу стол или что-то вроде него. Усаживаю ее туда, быстро снимая с нее белую рубашку и лифчик.

– Колготки сними или порву, – бормочу на ухо, пока она проворно сжимает мой член и орудует ладонью, а сам задираю красную юбку в клетку до талии.

– Ага, – стягивает с себя колготки, а я под шумок натягиваю резинку.

Она извивается, целует, я отвечаю, но без особого энтузиазма. Вхожу в нее резко, возможно, даже грубо. Она громко стонет, а я зажимаю ее рот ладонью.

– Ах, – протягивает, – Богдан, – ее грудь вздымается, а с губ сходят стоны.

Закончив, сразу натягиваю штаны, опираясь на стол. Катюха ползает по полу в поисках своих колготок или рубашки, я не особо понимаю, да мне и нет до этого дела.

– Шелест, – цепляется ноготками за ворот моей рубашки, – теперь я точно не прощу тебе, если ты не придешь в субботу. В нашем распоряжении будет весь дом, – томно шепчет мне на ухо.

– Я подумаю, Катюша, – целую ее в лоб, – по-ду-ма-ю, – застегиваю рубашку, накидывая поверх куртку.

– Тебя подвезти?

– Думаю, нам не по пути, – хлопаю ее по задку и выхожу в коридор.

Она не бежит следом, чему я искренне благодарен.

Выхожу из школы, мысленно благодаря историчку за отмену последнего урока. Видимо, Сомов с Гольштейн знали это заранее, раз первые свалили. Вряд ли заучка Герда будет прогуливать уроки. Я не вдавался в подробности, но школа полнится слухами, что наша Герочка – самая-самая. Отличница, спортсменка, состоит в совете учеников, принимает участие во всей внеклассной работе, в общем, рвет ж*пу изо всех сил. На кой, пока не ясно, но тем даже интересней.

Выхожу за ворота и кабанчиком уматываю в город. Тренер уже завалил сообщениями, и, если я не приеду через минут сорок, он сожрет меня с потрохами.

– Иваныч, – скидываю куртку, двигая в раздевалку.

– Шелест, ты чего опаздываешь?

– Пробки.

– В метро?

– Почти. Я отработаю.

– Конечно, отработаешь. Не забывай, со следующей недели двойные нагрузки, усиленно готовимся к первенству.

– Ага.

– Сегодня все по лайту. Давай на скакалку, потом бурпи, становую тягу, подтягивания, отжимания – три подхода по три минуты, передышка в одну. И побегай, километров пять.

– Понял, – беру скакалку.

В зале только я и Леха. Хороший парень, но удар поставлен у него плохо.

Следующая неделя выйдет жесткой. Усиленная нагрузка, к которой приплюсуются нервы. Увеличение спаррингов. Уверен, что Иваныч не слезет с меня, пока я здесь не сдохну. Это, конечно, большое преувеличение, но перед каждым соревнованием, чемпионатами, отбором в него вселяется кто-то злой и страшный. Из добродушного мужика он, с*ка, превращается в сатану. И мне как бы грех жаловаться, потому что за все время наших с ним тренировок я проиграл всего один раз.

Это либо удача, либо я реально ссу прийти с поражением, он же меня прибьет к х*рам. Мысленно улыбаюсь, откидывая скакалку.

Впахиваю еще часа полтора. Выжимая из себя последние соки, вот вам и по лайту. Иваныч почти выставил меня из зала, когда допер, что я делаю.

На улице застегиваю куртку, быстро добегаю до метро. Еще нужно успеть зайти в супермаркет и приготовить маме ужин. Респект за то, что живем мы не на Рублевке и возле нашего дома есть нормальные магазины, а не те, где пачкапельменей в триста граммов полторы тысячи стоит. По магазину ношусь на сверхскоростях, закидывая в корзинку овощи и мясо.

Домой прихожу весь мокрый. Пот течет градом. Расшнуровываю ботинки, кидаю пакет рядом с пуфом, на который сажусь, чтобы снять обувь. Вешаю куртку и на ходу закидываю шапку на полку. На кухне быстро разогреваю сковородку, наливая на нее растительное масло. Пока масло не начало потрескивать, быстро режу мясо, сваливая его в уже горячую посуду. Сковорода с закипевшим маслом издает потрескивающее шипение, поэтому, быстро все перемешав, солю мясо и накрываю крышкой. Пока оно жарится, быстро режу салат из овощей, укладывая все в большую пластиковую миску.

Еще раз помешав мясо, слышу, как во двор заехала машина. Щелкаю кнопку чайника, и тот начинает тихо шуметь.

Мама Марина заходит в дом минуты через две. Я уже стою у двери, забирая из ее рук пакеты.

– Привет, – улыбается, – ты даже раньше меня.

– Да. Освободился чуть раньше, – не скажу же я, что несся как сумасшедший, чтобы приготовить ужин.

– Сейчас что-нибудь приготовлю, – расстегивает змейки на высоких сапогах.

– Я уже, – опираюсь плечом на стену.

– Ой, какой ты молодец.

– Да я просто... – пожимаю плечами, накатывает прилив каких-то непонятных эмоций.

– Так, – хлопает в ладоши, – я мыть руки, и будем ужинать тогда.

– Хорошо. Я пока накрою.

– Давай.

Мама Марина идет в ванную, а я возвращаюсь на кухню и достаю из шкафа две плоские красные тарелки.

– Богдан, как тренировка?

Марина садится за стол, поправляя салфеточки.

– Хорошо. Со следующей недели начинаем готовиться к первенству.

– Только ты?

– Нет, еще несколько человек из клуба.

– Здорово.

– Да, нужно будет только в школе потом на четыре дня отпроситься.

– Отпросимся.

– Спасибо.

– Очень вкусно, – улыбается, разжевывая кусочки мяса.

– Слушай, я хотел спросить, на выходных Катька устраивает вечеринку, меня тоже пригласили... можно?

– Куликова?

– Наверное. Я не спрашивал...

– Хорошо. Только без эксцессов.

– Да без проблем.

Упираюсь ладонями в край стола, слегка отодвигаясь назад. Марина приподымает бровь.

– Ты уже сходил в школу, без эксцессов, – усмехается, – я долго краснела.

– Извини.

– Да все хорошо. Только давай аккуратнее.

– А че мне, я не пью, не курю... так что можешь не переживать.

– Могу? – глаза полны смеха.

– Можешь-можешь.

– Ну успокоил. Ты поел? Давай я тарелки вымою.

– Да я сам.

– Я помою, пей чай, – поднимается из-за стола, – а потом доразберем наши коробки.

Когда же уже этот переезд закончится?

Как только маме предложили работу в лицее, ей пришлось переехать. Сдать квартиру в городе и арендовать ближе к поселку. Она до сих пор свои коробки не разобрала, а теперь к ее добавились еще и мои. Мы уже неделю воюем с вещами, но так и не можем расправиться с ними окончательно. Живем на коробках, и, в принципе, никого из нас сильно это не напрягает.

Допиваю чай, поднимаясь к себе. Пока расставляю свои книги, успеваю порадоваться, что первый учебный день после каникул – четверг, а значит, еще денек – и выходной. Хорошо, что лицей на пятидневке. Заталкиваю свои футболки в шкаф, не заморачиваясь сложить их стопкой, и падаю за ноутбук. Пару каток в доту, и на боковую.

Натягиваю наушники, запуская игру.

Утром просыпаюсь от чужих касаний. Я так и уснул за столом. Мама Марина возвышается надо мной, хмурится.

– Ты во сколько спать лег?

– Не помню. Вырубило что-то.

– Богдан, – качает головой, – давай в душ, завтракать и на учебу. У вас сегодня первый тест по гуманитарным предметам.

– Пять минут – и хоть в клетку.

– Иди уже.

Я ухожу, замечая боковым зрением, как Марина закрывает ноутбук, убирая со стола кружку.

Минут через пятнадцать мы уже выезжаем из дома.

В лицейчик заходим вместе. Чем привлекаем озадаченные взгляды, ведь многие видели не только то, что мы вместе зашли, но и то, что вместе приехали. Убираю руки в карманы и с каменным лицом чешу в гардероб. Скинув куртку, расстегиваю пиджак и поднимаюсь в класс.

Урок еще не начался, поэтому, подходя ближе, я слышу интересный треп Сомова с одним из своих одаренных созданий.

– Да не придет он, выперли его. Отвечаю.

– Я видел, как он с завучем приехал сегодня.

– И че?

– Ну, это странно.

– Ничего не странно, она ему просто хочет доки в рожу кинуть.

– Я тебе щас кину, – вмешиваюсь в это «веселье», останавливаясь в дверях. – Сомов замолкает, а его слащавое личико перекашивает злостной гримасой. – Ты давай, продолжай, должен же быть у меня повод тебя выстегнуть. Видимо, вчерашнего тебе было мало.

– Паха, так ты вчера соврал?

– Да кому вы верите?! – оправдывается мой дружочек.

– Соврал-соврал, – ухмыляюсь.

– Шелест, ты чего здесь встал? – басит Васильна за моей спиной.

– Цирк смотрю. Эксклюзивное выступление Павлушки Сомова.

Васильна переводит взгляд на Сомова и, разочарованно выдохнув, отодвигает меня в сторону.

– За парту садись, – проходит в глубь класса. – Так, Гольштейн где?

– Она сегодня ко второму уроку придет, – лопочет Катюха.

– Чего вдруг?

– Не знаю. Ее отец вам позвонит.

– Отец, – фыркает слегка пренебрежительно. – Открываем учебники на сто второй странице.

– Александра Васильевна, можно я к Богдану пересяду? Сомов мне мешает, – скулит Катька, а мирно сидящий Павлик бросает на нее гневный взгляд.

– Садись.

Куликова собирает свои вещички и подсаживается рядом.

– Привет, – почти мурчит, надувая губки, – ты завтра придешь?

– Приду, – поворачиваюсь, оценивая, насколько глубоко расстегнуты пуговицы на ее рубашке.

– Отлично. В восемь. Могу прислать машину, – вышагивает пальчиками по парте в моем направлении, а второй рукой подпирает щеку.

– Сам найду. Не парься.

– Хорошо, – облизывает губы, – я буду очень тебя ждать.

Глава 6

Герда.

Это так странно, каждое утро я просыпаюсь с мыслью, что моя жизнь полностью ничемна. В ней ничего не происходит, но при этом все от меня чего-то требуют. Отец хочет, чтобы я была первой во всем, мать – чтобы следила за собой, не разрушая придуманный ею статус красотки. Пашка с пеной у рта доказывает, что я не должна бояться отца и слушать все то, что мне говорят дома, но при этом не прочь, если буду делать так, как говорит лишь он... они все, все хотят сделать из меня ту, которая будет для них наиболее удобна.

Красивая, умная, покладистая. Идеальная дочь, друг, девушка. Все с жестоким остервенением желают вылепить из меня свой, несуществующий на данный момент идеал. А я... я пытаюсь быть независимой, и от этого становлюсь бездушной богатенькой дрянью. Я, словно маньячка, хочу быть первой. Хочу быть лучшей. Это не только для родителей. Нет, это и для меня, я тоже этого хочу, наверное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.